

Голякова. – Пермь : ПГУ, 2002. – 232 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1213 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М. : Ось-89, 1999. – 192 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 800 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – 3-е изд., стер. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.

Торсуева И.Г. Контекст / И.Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 238-242.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре / И.А. Шаронов. – М. : РГГУ, 2008. – 288 с.

Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. – 367 с.

Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – 2. Aufl. – М. : Hochschule, 1975. – 366 S.

Pyle H. Robin Hood / Howard Pyle. – Wien : Bechtermünz Verlag, 1991. – 226 S.

Götz D. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / D. Götz. – Berlin, 2008. – 1309 S.

АНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЕБНОЙ ПЕСНЕ

С.Ю. Семенова

*Научный руководитель: Т.Н. Романова,
кандидат филологических наук, доцент (ЧувГУ)*

В современной науке одним из актуальнейших направлений являются антропоцентрические и лингвокультурологические исследования языка как «животворного истока всего ценностно-смыслового пространства культуры» [Алефиренко 2010: 13]. В связи с этим значительный интерес представляет изучение культурно-национальной специфики антропонимов в составе фольклорного текста.

Материалом для данного исследования послужили 657 текстов русских народных свадебных песен из общероссийских песенных сборников обрядовой поэзии [Живая вода 1975; Круглов 1989; Круглов 1978; Лирика русской свадьбы 1973; Народные песни Воронежской области 1974; Обрядовая поэзия 1989; Обрядовая поэзия Пинежья 1980; Русская народная поэзия 1984; Русская свадебная поэзия Сибири 1984; Русские народные песни Смоленской области 1990], а также 113 оригинальных текстов русских народных свадебных песен, зафиксированных на территории Чувашской Республики [Магницкий 1877; Русские народные песни и частушки в Чувашии 1975; Русский фольклор в Чувашии 2009; Цимковский 2006]. Общий объем выборки

составил 1399 единиц с вариантами.

Анализ антропонимов в составе свадебных песен выявил почти равное соотношение женских (50,3 %) и мужских (49,7 %) личных имен. В русских народных свадебных песнях, записанных в Чувашии, мужские имена в количественном отношении также несколько преобладают над женскими (51,1 % и 48,9 % соответственно). Возможно, это объясняется самим материалом исследования – свадебная песня. Несмотря на то что на свадьбе много действующих лиц как мужского (жених, батюшка, брат, дружка, тысяцкий), так и женского пола (невеста, матушка, сестра, сваха), как правило, все эти имена представлены попарно. Для сравнения, изучение личных имен в лирических песнях выявило преобладание мужских имен [Семенова 2011: 212].

Специфика употребления личных имен в русской народной свадебной песне заключается прежде всего в использовании параллельных форм мужских и женских имен: *Анисим* («Что во светлой во светлице...») и *Анисья* («Не ягодка по горенке каталась...») и др. Аналогичные формы имен представлены и в русских народных свадебных песнях Чувашии: *Федор* («Через сине море да рябина...») и *Федора* («Ты сокол, сокол, соколик мой...»).

Для песен данного жанра характерно употребление гипокористических имен с уменьшительно-ласкательным оттенком значения: *Пашечка* («Как у дуба, у сыра дуба...»), *Овдотьюшка* («Раным рано на заре...»). Субъективная оценка создается не только с помощью суффиксов *-ушк-(-юшк-)*, *-очк-(-ечк-)*, но и за счет употребляющихся при антропонимах приложений и определений, содержащих положительную характеристику. В большей степени это характерно для женских имен: *Томушка-любушка* («Ягодка с ягодкой на бору росли...»), *милая Маринушка* («Дорогая наша гостенька»), *Галечка годяйка*, *дому полная хозяйка* («Как у Галина двора, у двора...») – ср. *годный*, *годявый* ‘хороший, путный, ладный, пригодный’ [Даль 1989: 366]. Реже оценочные слова употребляются с мужскими именами: *хорош Лешуточка* в песне «Гулянка наша ай Ньюшенька...»; *мил, милешенек Степушка* («Не буян-ветер ворота нам отворил...»). В представленном нами материале нами зафиксировано всего 3 имени с пренебрежительно-уничижительным оттенком значения: *Матреха* («Ты поле, поле-поленько...»), *Варька* («Некрасив межанский день...») и *Галька* («Плакала Галечка...»). Возможно, это связано с тем, что в песнях данного жанра важно было представить участника свадебного обряда с лучшей стороны.

Антропонимы (как полные, так и краткие формы), функционирующие в свадебных песнях, употребляются со словами, указывающими на: 1) родственные отношения: *свой родной батюшка Иван Егорович* («У ворот

было на улице...»), *братец мой Коленька* («Ой ты, река ли моя, реченька...»); 2) приобретенный статус («свадебный чин»: тысяцкий, бояре, подружье и др. [Аникин 2001: 190]). Эта группа является самой многочисленной, так как содержит указание не только на родственников жениха («князя») и невесты («княгини») – *новобрачный князь, Иван Максимович* («Брал дружка храбрый...»); *княгиня Анна* («Славен город, славен город»), – но и на многочисленных участников свадебного обряда: «Тысяцкий – “первый чин” в свите жениха, самый почетный гость со стороны жениха, всегда находящийся рядом с ним»; «дружка – “второй чин” (после тысяцкого) в свите жениха, главный распорядитель свадьбы»; «сваха, сватунья – сватающая невесту; участница свадебного поезда» [Жекулин 1989: 712-713]: *тысяцкий воевода Юрий Петрович* («Тысяцкий воевода...»); *дружка Василий Андреевич* («Брошу дружку на подушку...»); *княжа сваха Катерина Осиповна* («У нас княжа сваха Катерина Осиповна»); 3) социальное или семейное положение: *Варвара Михайловна богата* («Княжецка сваха богата...»), *Костенька холост, не женат* («Прилегли, легли черемушки...»); 4) определения-описания: *Филипп-от сам урод, ротозея, криворот* («Как у Филиппа-то жена...»), *Катя бела-белена, да румяна-румяна* («Как у нашей Кати...»); 5) метафоры – *орел Иванушка* («Перепелка, наша перепелушка...») – или эпитеты: *гордая, спесивая Настасьюшка* («Гордая, спесивая свашенька...»).

В русских народных свадебных песнях антропонимы употребляются также с приложениями, являющимися типичными для фольклорного текста, типа *восударь, сударь, господин, сокол ясный, сударыня, свет: Памфил – господин да Иванович* («Не лежи, черной бобр, у крутых берегов...»), *сударыня Марья* («Что не яхонт по блюдечку катится...»). Особый интерес представляют приложения, употребляющиеся параллельно и создающие образ еще и за счет контраста: *наша Манечка – картинка, наша Манечка – маков цвет, а ваш Ванечка – корзинка, а ваш Ванечка – старый дед* («Наша Манечка – картинка...»); *ясен месяц со звездами – то Иван-от Петрович с сыновьями, красное солнце со лучами – то Анна Кузьмовна с дочерями* («Во сыром бору сенички рублены...»). Аналогичные примеры имеются и в русских народных свадебных песнях Чувашии: *белая лебедушка Дунюшка, разъясный сокол Мишенька* («Стружки по стружки...»). В отдельных случаях употребляется сразу несколько характеристик: *молода горда боярыня, свет Анна Николаевна* («Во дворе, дворе у Василья...»). Многогранное представление человека характерно и для свадебных песен, зафиксированных на территории Чувашии: *дворянин, да отцовский сын – Павел да свет Данилович* («Вьюн на воде извивается...»), что, на наш взгляд, позволяет более

детально представить участников свадебного ритуала.

Для свадебных песен характерно употребление так называемых омопар [Петренко 1984: 30]. Это могут быть ситуативные омопары, которые в основном представлены мужскими именами: *Иван Егорович* и *Иван Иванович* («У ворот было на улице»); *Анна Ивановна* и *Анна Андреевна* («У города, города...»). Омосокращения чаще встречаются среди женских имен: так, имя *Паши* может быть производным и от имени *Прасковья*, и от имени *Павла* [Петровский 2000: 348]; *Машей* может быть и *Домна*, и *Марина*, и *Мария* [Петровский 2000: 341]. Гипокористическое имя *Нюшенька* во всех источниках отмечено как производное от имени *Анна* [Петровский 2000: 346], однако нами зафиксировано добавочное (домашнее) имя *Нюшенька* («Плавала чарочка по сладкому медку...»), восходящее к имени *Настасья* [Жекулин 1989: 465]. В представленном нами материале отмечены также омографичные формы имен [Петренко 1984: 33]: *Федор* («Дымно, дымно в поле...») и *Федо'р* («Ты соко'л, соко'л, соколик мой...»); *Акули'нька* («Не атласная ленточка...») и *Аку'линька* («Полелей, мати Волга-река...»). Разноместность ударения присуща и отчествам: *Макар Матве'евич* («Ни с буйар ветры завяли...») и *Иван Матвеёвич* («Как у брода было, брода...»). В свадебных песнях Чувашии ситуативные омопары и омографичные формы имен не представлены.

Сравнительный анализ антропонимов в общероссийских сборниках и зафиксированных на территории Чувашии свадебных песнях выявил совпадение продуктивных личных имен. Так, среди мужских имен наиболее частотным, то есть «широко распространенным именем, постоянно занимающим одно из первых мест по употребительности в определенный период в определенном социуме» [Подольская 1988: 77], является личное имя **Иван** (оно встретилось в различных вариантах – *Иванушка/Иванушко*, *Иванечка/Иваничка*, *Ваня*, *Ванька*, *Ванечка*, *Ванюша*, *Ванюшка/Ванюшка*, *Ванюшенька* – 229 и 44 раза соответственно). Е.С. Отин говорит о «русскости» этого личного имени и отмечает, что «в старой русской деревне имя Иван носили 16-25 процентов всех крестьян – каждый пятый был Иваном» [Отин 1994а: 85]. Нами зафиксированы также частотные имена **Василий** с его производными *Василь*, *Васильюшка/Васильюшко*, *Вася*, *Васенька*, *Васенок*, *Васютушка Василек* (59 и 8 словоупотреблений) и **Николай** с вариантами *Николаюшка/Николаюшко*, *Николаюшечко*, *Никола*, *Коля*, *Коленька*, *Колечка*, *Микола*, *Миколай*, *Миколаюшко* (47 и 7), а также **Александр** и **Михаил** – в свадебных песнях Чувашии (по 8 и 7 словоупотреблений соответственно).

Среди женских личных имен наиболее продуктивным является

Мария (с производными *Марья, Марычка, Марьюшка, Марьютушка, Маруся, Марусенька, Маша, Машенька, Маня, Манечка, Манюшка, Манюшенька* насчитывает 138 и 25 словоупотреблений соответственно). Это неудивительно: «Наиболее частотные и характерные для русских личные имена, которые могут выступать как синонимы русского человека вообще, указывать на его социальную принадлежность и т.д., – *Иван, Марья*» [Отин 1994б: 10].

Анализ частотных имен выявил несовпадение составов продуктивных имен, зафиксированных в общероссийских и региональных сборниках русских народных свадебных песен. Так, в первой группе наиболее частотными являются имена **Анна** (68), **Наталья** (27), **Прасковья** (с вариантами *Прасковьюшка, Парасковья, Парасковьюшка, Паша, Пашенька* – 26 словоупотреблений), **Екатерина** (23), **Авдотья** с производными *Авдотьюшка, Авдошка, Овдотья, Овдотьюшка, Дуня, Дунюшка, Дуняшенька* (22), а во второй – **Овдотья** (с вариантами *Овдотьюшка, Авдотиюшка, Авдеюшка, Дунюшка, Дуняшенька*) и **Татьяна** по 9 словоупотреблений, **Акулина** (7), имена **Александра** и **Настасья** встретились в текстах по 5 раз. Для сравнения, анализ антропонимов в русских народных лирических песнях по материалам общероссийских и региональных сборников выявил почти полное совпадение продуктивных имен, отличие заключается лишь в частотности их употребления [Семенова 2011: 212-214]. Такие личные имена, как *Аган, Елисей, Мелетей, Парамон, Трифон, Фадей, Устин, Апроксинья, Домна, Лукия, Улита, Христина* и др., встретились в песенных текстах единожды, что позволяет их считать «редкостными», то есть «именами, даваемыми людям крайне редко» [Подольская 1988: 77].

В структуре фольклорного текста свадебной песни личные имена встречаются в просторечной форме, то есть «возникшей в сниженном стиле речи, просторечии, говорах» [Петровский 1966: 15] – *Вахрамей* (от *Варфоломей*), *Палагея* (от *Пелагея*), – а также народной и разговорной форме: *Авдотья* (от *Евдокия*), *Лизавета* (от *Елизавета*), *Осип* (от *Иосиф*).

Особенностью употребления антропонимов в свадебных песнях является их взаимопритяжение. Самая популярная пара «связанных» имен – это *Иван* и *Марья* («Чарочка моя...» и мн. др.): «Антропонимное словосочетание *Иван да Марья* в народной речи, фольклоре выступает со значением ‘мужчина и женщина’, ‘муж и жена, супружеская пара’ (как правило, крестьянская), а также как условное обозначение мужского и женского начал» [Отин 1994а: 88].

Парные имена объединяются по какому-либо принципу, например, по одинаковым начальным буквам в именах – *Лексей* и *Лександра* («Разукрашена крутая гора...») – или рифме: *Натальюшка* и *Васильюшка*

(«Ой, Натальюшка по садочку гуляла...»). «Связанные» имена иногда содержат указание на родственные отношения, например, называют брата и сестру: *Иван Агапович* и *Ульяна Агаповна* («Вились, повились»). В отдельных случаях бывает затруднительно объяснить парность тех или иных имен: *Лукия Дмитриевна* и *Никанор Селиванович* («Из-за гор, гор высоких...»). Такие имена выполняют номинативную функцию, называя участников свадебного обряда.

В свадебных песнях, помимо одночленной, распространена двухименная структура «личное имя + отчество»: «Обязательное присутствие отчества у русского человека – это особый почет и уважение, которые ему оказывают соплеменники. Русские говорят: по имени называют, по отчеству – величают» [Маслова 2001: 33]. Особенностью употребления таких конструкций является употребление отчества не только с полными, но и с разговорными формами личного имени: *Осенька Осипыч* («Посадить было на саночки...»). Обращает на себя внимание употребление в свадебных песнях отчеств в разговорных и диалектных формах, что является отличительной чертой функционирования антропонимов в песенных текстах.

Спецификой фольклорного текста можно объяснить употребление в свадебных песнях патронима перед личным именем: *Иванович Михайло*, *Петровна Анна* («На угорышке часовенка стояла»). Отличительной чертой является особое оформление личных имен с патронимами: часто отчество отделено от имени группой слов (*свет Иван молодец да де Яковлевич* («Почему знали рано про гостя дорога...»)) или же имена и отчества употребляются попарно (*Иван свет с Палагеей, Яковлевич с Овдокимовной* («Катилася карета...»)).

Самые распространенные отчества в русских народных свадебных песнях – это *Иванович* (111 словоупотреблений) и *Ивановна* (124). Это неудивительно, так как *Иван* является высокочастотным именем. Список наиболее продуктивных продолжают такие отчества, как *Васильевич* (38), *Петрович* (28), *Николаевич* (20), а также *Васильевна* (24), *Михайловна* (22), *Петровна* (19). В русских народных свадебных песнях, зафиксированных на территории Чувашии, наиболее частотные такие же отчества: *Иванович* (15), *Петрович* (7) и *Ивановна* (19), *Васильевна* (3). Данный состав ожидаем и подтверждает наши наблюдения о совпадении продуктивных мужских имен в структуре свадебной песни. Отметим также редко встречающиеся отчества: *Алдакимович*, *Диодорович*, *Лифантьевич* и *Гурьяновна*, *Мокеевна*, *Офимьевна*.

В составе свадебных песен Чувашии нами отмечены оригинальные личные имена и их производные (*Архип*, *Василек*, *Ляксандр*, *Мишенька*, *Онисим*, *Файлушка*; *Авдеюшка*, *Верынька*, *Галюля*, *Евгения*, *Надёжа*,

Надёженька, Никушка, Орина, Шурочка, Светлана, Федорушка, Юлюшка), а также отчества (*Ильич, Филиппич; Федосьевна, Ивановна, Алексеивна*), которые не встретились в общероссийских сборниках, что позволяет говорить о территориальной особенности употребления антропонимов.

Трехчленная структура именования песенным (и другим фольклорным) текстам нехарактерна вообще. Фамилии в песнях встречаются крайне редко и только с личными именами: *Иван Лопатин* («Катерина-то Архиповна...»), *Василий Агафонов* («Радуйся, двор, веселися, терём...»). Как известно, фамилия «указывает на принадлежность человека к определенной семье» [Подольская 1988: 155], поэтому можно предположить, что в данных текстах содержится указание на жениха как представителя своего рода.

Таким образом, на основе свадебных песен нами был составлен своеобразный антропонимикон, анализ которого позволил сделать вывод о широком распространении имен в фольклорном тексте и их большом разнообразии. В качестве отличительной особенности можно отметить использование двухчленной системы именования (личное имя с патронимом), употребление антропонимов вместе с приложениями. Сравнение антропонимиконов русских народных свадебных песен из общероссийских сборников с песнями, зафиксированными на территории Чувашии, выявил различия в продуктивности и вариативности имен.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с.
- Аникин В.П.* Русское народное творчество : учеб. / В.П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001. – 726 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль – Т. 1 : А – З. – М. : Русский язык, 1989. – 699 с.
- Живая вода: сборник русских народных песен, сказок, пословиц, загадок / сост. В.П. Аникин. – М. : Детская литература, 1975. – 367 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
- Отин Е.С.* Иван / Е.С. Отин // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1994а. – С. 85-90.
- Отин Е.С.* Русская ономастика в русской энциклопедии / Е.С. Отин // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1994б. – С. 7-11.
- Петренко М.Г.* Омопары русских личных имен / М.Г. Петренко // Русская ономастика : сборник науч. тр. / отв. ред. Ю.А. Карпенко. – Одесса, 1984. – С. 28-34.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. Около 3000 имен / Н.А. Петровский. – 6-е изд., стер. – М. : Рус. словари : Астрель, 2000. – 480 с.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н.В.

Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

Семенова С.Ю. Личные имена в русской народной лирической песне / С.Ю. Семенова, Т.Н. Романова // Юность Большой Волги: сборник статей лауреатов XIII Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи «Юность Большой Волги». – Чебоксары, 2011. – С. 212-214.

Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни : учеб. пособие для пед. ин-тов / Ю.Г. Круглов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 320 с.

Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни : учеб. пособие для пед. ин-тов / Ю.Г. Круглов. – М. : Высшая школа, 1978. – 215 с.

Лирика русской свадьбы / подг. Н.П. Колпакова. – Л. : Наука, 1973. – 273 с.

Магницкий В.К. Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии / В.К. Магницкий. – Казань : Тип. ун-та, 1877. – 167 с.

Народные песни Воронежской области / под ред. С.Г. Лазутина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 142 с.

Обрядовая поэзия / сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. – М. : Современник, 1989. – 735 с.

Обрядовая поэзия Пинежья / сост. В. Варганова [и др.] – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 280 с.

Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия : сб. / сост. К. Чистов, Б. Чистова. – Л. : Худож. лит., 1984. – 528 с.

Русская свадебная поэзия Сибири / сост. Р.П. Потанина. – Новосибирск : Наука, 1984. – 261 с.

Русские народные песни и частушки в Чувашии / сост. З.Е. Семенова; ред. В.Н. Абашев. – Чебоксары : Чув. гос. ун-т, 1975. – 159 с.

Русские народные песни Смоленской области: в записях 1930–1940-х гг. / сост. Ф.А. Рубцов. – Л. : Сов. композитор, 1990. – 160 с.

Русский фольклор в Чувашии : хрестоматия / сост. М.Ю. Черноторова. – Чебоксары : Чув. гос. ун-т, 2009. – 394 с.

Цимковский Б.Я. Русские народные песни Козловского района Чувашской Республики : монография / Б.Я. Цимковский. – Чебоксары : Чув. гос. ин-т культуры и искусств, 2006. – 73 с.

НЕГАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПТА *DANDY* В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Т.В. Лаврова

*Научный руководитель: Е.М. Масленникова,
кандидат филологических наук, доцент (ТверГУ)*

Концепты признаются частью национально-специфичного социокультурного фона. Даже в случае образования параллельных рядов в разных культурах, концепты способны получать особое языковое воплощение. Одним из таких национально-специфичных концептов будет концепт *dandy*, отдельные параметры которого проецируются на лингвокультурный типаж *dandy*.

Цель настоящего исследования – проследить особенности развития